

Сжимая кулаки, Ли Чжао почувствовала, как огонь уже пылал у неё на лице. Она тут же хотела вскочить, но, заметив приближающуюся подошву, стремительно кувыркнулась в сторону, избегая удара.

Взметнулась пыль. Поднявшись, Ли Чжао уставилась на Бабушку Пу со злостью, но всё ещё сдерживала ярость.

— Хм, — фыркнула Бабушка Пу, словно подливая масла в огонь. — Покажи-ка, на что ты способна. Не позоришь ли своего учителя? А может, он и сам был невеждой?

Слова её были полны насмешки. Ли Чжао, собрав силу в ногах, уже не могла терпеть! Но едва она сделала шаг, её осенило: почему эта женщина снова и снова упоминает её учителя?

— Вы... вы знаете моего учителя? — спросила Ли Чжао. Гнев её не утих, но она взяла себя в руки, сохраняя спокойствие.

— Ха-ха-ха-ха! — Бабушка Пу рассмеялась, но вскоре вновь стала серьёзной. — Что ж, неглупа. И терпения тебе не занимать.

Теперь Ли Чжао поняла: её испытывают.

— Дитя, вот тебе совет: никогда не теряй хладнокровия. Даже если на твоих глазах убьют того, кого любишь.

Произнося это, Бабушка Пу улыбалась, но в её острых глазах мелькнула тень скорби.

Вглядываясь в эти глаза, Ли Чжао замерла — не только из-за внезапно проявившихся чувств, но и из-за самих слов. Когда они достигли её слуха, в сознании возник образ Девы Цзюнь и клинок, пронзивший её тело. В тот миг Ли Чжао почувствовала, будто падает в бездонную пропасть, а всё её тело охватило пламя.

Огонь ворвался в неё через рот и нос, спалив всё, кроме сердца, которое оставалось ледяным. Лишь клинок продолжал своё «дело», медленно раскалывая замёрзшее сердце, смешивая скорбь, ненависть и жажду смерти...

— Хлоп. Хлоп.

Неожиданные хлопки вернули её к реальности. Ли Чжао вздрогнула и уставилась на Бабушку Пу, которая теперь стояла прямо перед ней. В её руке, появившись будто из ниоткуда, был Тунлун, приставленный к горлу старухи. На её собственном лице, казалось, были следы слёз, всё тело промокло от пота, а дышать стало невыносимо тяжело.

Ли Чжао не понимала, что происходит и что только что случилось. Она лишь в полной растерянности смотрела на Бабушку Пу. Рука её словно окаменела, она не могла ей управлять — и, конечно, не могла убрать Тунлун.

— Не думала, что ошиблась. У тебя уже есть тот, кто дороже собственной жизни.

С этими словами Бабушка Пу лёгким щелчком отбила Тунлун. Ли Чжао почувствовала, как запястье чуть не выворачивается от силы, и ей пришлось сделать шаг, едва не упав. Это окончательно вернуло её в сознание. Хотя растерянность никуда не делась.

— Хм, вижу, ты сама ещё не осознала. Что ж, спешить некуда. Сейчас главное — сделать твоё

искусство достойным взглядом.

Услышав это, Ли Чжао лишь выразила на лице полное недоумение. Она потирала онемевшее запястье и тупо смотрела на Бабушку Пу, лицо которой стало суровым.

— Ладно, для начала почитай-ка книгу, — покачала головой Бабушка Пу, достала из-за пазухи книгу и швырнула её Ли Чжао. Затем вошла в дом и с грохотом захлопнула дверь...

Оставив ошарашенную Ли Чжао под холодным ветром, не знающую, что делать.

Прошло некоторое время, пока ветер не высушил пот и слёзы. Лишь тогда она пошевелила одеревеневшими конечностями, подняла книгу и собралась вернуться в бамбуковую рощу — судя по всему, Бабушка Пу не станет её выслушивать. Ли Чжао невольно вздохнула. И зачем она вообще сюда пришла?..

Но едва она приблизилась к воротам, маленький нож со свистом пролетел у самого уха, срезав прядь волос. Удар был невероятно быстр — будь у метателя иной умысел, Ли Чжао уже воссоединилась бы с учителем.

Сглотнув, она медленно обернулась. Деревянные ворота были по-прежнему закрыты, но на них появилась щель, идеально подходившая по размеру для ножа. И она точно помнила, что мгновение назад ворота были целыми.

Что это значит?

— Без моего разрешения не выходи. Иди в любую комнату и читай.

Из дома донёсся ледяной голос, полный угрозы.

Несносная старуха. Хотя Ли Чжао и разозлилась от такой угрозы, ей пришлось подчиниться — пока что она явно уступала в мастерстве.

Однако, даже испытывая гнев, она не чувствовала желания мстить или яростно тренироваться, чтобы одолеть соперницу. Ей было обидно, и она отчаянно хотела найти утешения у Девы Цзюнь.

При этой мысли Ли Чжао резко остановилась. Неужели она незаметно перенесла свою зависимость от учителя на Деву Цзюнь?

Нет!

Она тряхнула головой, подавив обиду, и во взгляде её вспыхнула решимость. Она должна быть твёрдой, как меч. Больше нельзя, как раньше, всегда искать опоры в других, прятаться под их защитой в поисках покоя.

Она должна стать сильной. Только сила позволит защитить тех, кто дорог, не повторять прежних ошибок, не чувствовать себя беспомощной.

Ли Чжао ни за что не допустит, чтобы то видение стало явью.

Твёрдым шагом она подошла к пустой комнате, распахнула дверь с видом героя, отправляющегося на битву, и... была атакована тучей пыли.

— Кхе-кхе-кхе-кхе!...

Не в силах остановить кашель, она поспешно отступила, решив попросить у Бабушки Пу тряпку и ведро.

Но та, будто обладая даром ясновидения и тонким слухом, бросила: «Ищи сама, заодно всё прибери».

«...» Ли Чжао надула губы. Обида переполняла её, но она всё же принялась обходить комнаты в поисках ведра и тряпки, а затем убиралась до самого вечера.

В конце концов, она в изнеможении рухнула на веранде перед дверью Бабушки Пу. Повернув голову, она уставилась на лунный свет, заливавший двор. Кажется, тяжёлый груз на душе немного ослаб — да и откуда бы взяться силам на печаль? Интересно, сколько лет эти комнаты не убирались...

— Скрип.

Тёплый ветерок коснулся Ли Чжао, неся с собой аромат еды. С трудом поднявшись, она посмотрела на Бабушку Пу — оказывается, не так уж она и страшна.

— Входи, — бросила та лишь два слова.

Услышав это, Ли Чжао с трудом поднялась и, шатаясь, вошла в дом, закрыв за собой дверь.

Повернувшись, она увидела, что Бабушка Пу уже сидит за столом. На столе стояли две-три тарелки с закусками, две пиалы жёлтого риса и кувшин вина — настоящий пир.

Ли Чжао не стала церемониться и сразу села напротив Бабушки Пу.

Но едва она устроилась, язвительная старуха спросила:

— Кто разрешил садиться?

Ли Чжао застыла в неловкости, не зная, сидеть ей или встать. Нахмурившись и надув губы, она тихо пробормотала:

— Вы же приготовили две пиалы...

— А я и две съесть не могу? — Бабушка Пу смотрела на неё сурово, без тени улыбки.

Видя это, Ли Чжао поднялась и отошла в сторону, уставившись на стол. Живот её предательски заурчал, а на душе стало невыносимо тяжело.

Но Бабушка Пу сделала вид, что ничего не замечает, и спокойно принялась за еду. Она и вправду съела две пиалы риса, все закуски и выпила вино, не оставив ни крошки.

Насытившись, она снова принялась донимать Ли Чжао:

— Иди, помой посуду.

Будь на её месте кто-то другой, тот, возможно, перевернул бы стол... У Ли Чжао снова вспыхнул гнев, но сжатый кулак её постепенно разжался. Молча она прибрала посуду, а вскоре вернулась и встала, едва сдерживая раздражение.

— Какие мысли после сегодняшнего? — небрежно спросила Бабушка Пу, отхлебнув горячего

чая.

— ... — Ли Чжао опустила голову, не отвечая.

— Не люблю повторять. Не скажешь сейчас — не говори никогда.

В голосе её прозвучала убийственная холодность.

Ли Чжао стиснула зубы и выдохнула:

— Злость. — Затем добавила:

— Обида.

Услышав эти четыре слова, Бабушка Пу усмехнулась и спросила:

— Хочешь убить меня?

— Нет.

— Почему?

Ли Чжао нахмурилась и вместо ответа спросила:

— А зачем мне вас убивать?

Спросив, она подумала, что старуха вот-вот взорвётся.

Однако Бабушка Пу лишь усмехнулась и ответила:

— Не понравился — убей. В мире странствий нет законов, живут по воле сердца и мстят за обиды. Разве не так?

— Нет. Пусть я и не видела всего мира странствий, но знаю: даже в нём бывают моменты беспомощности. Однако каждый, кого я встречала, изо всех сил стремится жить ради своего Дао и умереть за него. Даже если их опутывают милости и обиды, никто не относится к жизни столь легкомысленно.

<http://bllate.org/book/16264/1464211>